

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ОТДЕЛ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ
ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

**ЦИВИЛИЗАЦИИ ДРЕВНЕГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И АНТИЧНОСТИ:
ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ОБЩЕГО И ОСОБЕННОГО**

ТЕЗИСЫ

2–3 июня 2026 г.

Москва, Ленинский пр-т, 32а

О «деградации» позднескифской архитектуры

В докладе рассматривается представление о «примитивности» и «деградации» позднескифской архитектуры Северо-Западного Крыма, устоявшееся в научной литературе. Критически анализируются оценки, сформулированные в работах Л.А. Моисеева, В.А. Кутайсова, Ю.П. Зайцева и А.А. Масленникова. Цель доклада – проследить динамику развития позднескифской застройки на основе данных о планировках поселений, о системах укреплений и типах жилищ.

В истории позднескифского освоения региона выделяется три волны, начиная с 130/120 гг. до н.э. и заканчивая 60-ми гг. до н.э. Ранние этапы характеризуются приспособлением и переиспользованием греческих построек, которые превращаются в небольшие укрепленные пункты. Со второй волны (после окончания Диофантовых войн) наблюдается резкое усложнение структуры поселений: увеличиваются их площади, формируются новые системы обороны, появляется блокировка домов в кварталы, а также устойчивые планировочные схемы жилищ.

В течение I в. до н.э. архитектурная традиция демонстрирует преемственность и развитие, выражающееся в постепенной смене одних планировочных схем другими, а также в формировании «предместий» и обновлении укреплений. Пик пространственного и планировочного развития приходится на рубеж эр.

Резкий перелом связан с вооруженным конфликтом около 20 г. н.э., после которого часть поселений не восстанавливается, а площадь уцелевших значительно сокращается. Однако даже в условиях общего упадка продолжается эволюция планировочных схем домов. Таким образом до катастрофы в первой четверти I в. н.э. позднескифская архитектура

демонстрировала не деградацию, а постепенное усложнение и формирование собственной традиции, которая частично продолжает развиваться и в дальнейшем.

Теоретические модели описания элиты царства Птолемеев

Монархии, возникшие после распада державы Александра Македонского, представляют собой пример крайне сложных государств с точки зрения их социальной структуры. С одной стороны, на территории державы Селевкидов, Птолемеев, Бактрийского царства и других давно существовали сложные государственные структуры со своими собственными элитами, к которым стоит прибавить и административный аппарат Ахеменидской державы. С другой стороны, царями этих регионов стали македонские правители, для которых несомненной опорой власти были греки и македоняне, как бывшие солдаты Александра, так и новые поселенцы. В такой ситуации возникает вопрос о соотношении этих разных элитарных групп и того, какие модели могут лучше описывать эти взаимоотношения.

Египет времени Птолемеев предстаёт даже среди остальных примеров особым случаем. В отличие от других регионов, Египет даже в период царства Ахеменидов на определённый период смог восстановить собственную независимость, что должно является показателем значительной силы местной элиты. Кроме того, в отличие, например, от царства Селевкидов, распростершегося на территории от Малой Азии вплоть до Индии, у Птолемеев чётко оформилось ядро владений – собственно Египет, вокруг которого уже и «собирались» остальные территории. Таким образом, вопрос о соотношениях местной египетской и греко-македонской элит и его теоретическом осмыслении представляется особенно значимым при изучении царства Птолемеев. В работе мы рассмотрим основные теоретические подходы к описанию элиты царства Птолемеев и попробуем выявить те, которые, на наш взгляд, предстают наиболее удачными.

Бажатарник М. А.

(Москва)

**Оправдания для Асархаддона: срыв обязательств и сроков
в ассирийской корреспонденции**

Доклад посвящён практикам управления ожиданиями высшей власти в новоассирийской административной культуре. На материале эпистолярного корпуса SAA 10 (письма учёных и жрецов к царям Асархаддону и Ашшурбанипалу) рассматриваются стратегии обоснования сбоя в работе со стороны должностных лиц. Из 343 текстов – выборка исключает царские послания, горизонтальную переписку и фрагменты, не поддающиеся интерпретации, – 14 (4%) затрагивают вопрос личной ответственности за невыполнение задач и, как следствие, могут служить материалом для реконструкции коммуникативных практик придворных интеллектуалов. В результате анализа подтверждается предположение о зависимости выбора риторики от статуса корреспондента. Выделяются два основных подхода. Первый, наиболее распространённый, представляет собой апелляцию к чрезмерному объёму задач. Второй выражается в реакции на вменяемую вину, будь то её опровержение со ссылкой на внешние обстоятельства или признание собственного промаха в расчёте на минимизацию санкций.

**Иудейские пророки в эпоху Второго храма:
между элитарностью и маргинальностью**

В предлагаемом докладе рассматривается вопрос о статусе и функционировании института пророков (др.-евр. נְבִיאִים, греч. προφήται) в иудейском обществе эллинистического и римского периода. Молчание источников о деятельности пророков в послевоенную эпоху, а также фиксация пророческих книг в ахеменидский период отражают процесс вытеснения пророков и пророческих групп из социальной и политической жизни. Как известно, основной социальной функцией пророка было прорицание, однако Пятикнижие предполагает совершение мантических практик храмовыми служителями (см., напр., Числ 27 : 21, ср. Исх 28 : 15–30, Лев 8 : 8). Параллельно происходит «канонизация» созданной ранее (до V в. до н. э. включительно) пророческой письменности. Можно предположить, что этот амбивалентный процесс имел своим прямым последствием и двойственное отношение к образу пророка в иудейском обществе хасмонейского и иродианского периодов: как к элитарной фигуре, с одной стороны, и как к функционеру маргинальной сектантской группы – с другой. В этой связи примечательно, что раннехристианская письменность (Евангелия, книга апостольских Деяний, послания апостола Павла, Дидахе) отражает ведущее положение пророков в христианской общине I–II вв.

**Борсиппа в эллинистический период
(по данным письменных источников)**

Древняя Борсиппа – один из главных центров сохранения вавилонской культуры в эпоху эллинизма. Исторически Борсиппа имела тесные связи с Вавилоном, обусловленные как относительной географической близостью двух городов, так и ритуальной сферой: Набу, бог-покровитель Борсиппы, играл важную роль в вавилонском Акиту. Культурный центр Набу – храм Эзида – сохранял свой статус в эллинистический период и не был обделен вниманием со стороны царей из династии Селевкидов. Наиболее известным свидетельством такого покровительства является знаменитый цилиндр Антиоха I из Борсиппы (268 г. до н.э.). Однако в целом клинописные тексты эллинистического периода, происходящие главным образом из Вавилона и Урука, дают мало сведений о жизни Борсиппы под властью македонских династий и Аршакидов. Настоящий доклад представляет собой попытку собрать воедино те отрывочные данные о Борсиппе, которые сохранила дошедшая до нас письменная традиция. В докладе будут использованы материалы, в числе прочего и из нового издания “*Babylonian Chronographic Texts from the Hellenistic Period*” (Van der Spek et al., 2025), которое включает в себя данные 4-го тома “*Astronomical Diaries and Related texts from Babylonia*” (Hunger, 2022), а также дополненные коллациями дневники и хроники, известные по более ранним изданиям.

**Миф об основании эллинистической Смирны:
к вопросу о формировании полисной идентичности**

В докладе рассматривается миф об основании эллинистической Смирны, представленный в источниках литературного и нумизматического характера. После разрушения Старой Смирны в VI в. до н. э., полис был вновь основан лишь в эллинистическую эпоху, при этом легенда о его переосновании относится только к римскому времени. Локальная традиция была отражена у Павсания, Плиния, Аристида, а также в материалах нумизматики, и рассматривала Александра Великого как основателя Новой Смирны. Павсаний наиболее детально излагает миф, согласно которому на горе Паге Александру во сне явились две Немесиды, повелевшие основать город и переселить в него всех жителей Старой Смирны. Сюжет о сне Александра также упоминает Аристид. Плиний ограничивается кратким утверждением о том, что Александр восстановил Смирну. Данная легенда вызвала ряд дискуссий, поскольку существуют источники, представляющие иную версию основания Смирны. Страбон, который пишет примерно на столетие раньше, опускает упоминание об Александре и основателями Смирны называет Антигона, а также Лисимаха, переименовавшего полис в Эвридекию. Материалы нумизматики дополняют сведения литературной традиции. Сюжет мифа об основании Смирны Александром нашел отражение в изображениях на монетах II-III вв. н. э. Также известны монеты III в. до н. э., легенда которых указывает на то, что некоторое время полис мог носить название Эвридекея, о чем не сообщает литературная или эпиграфическая традиция. Источники позволяют проследить трансформацию локальной традиции, миф об основании появляется в литературных и нумизматических источниках лишь со II в. н. э. По всей видимости, именно в этот период предпринимается попытка встроить историческое прошлое Смирны в общий эллинистический контекст с

помощью формирования традиционного мифа об основании полиса с упоминанием фигуры героя-ктиста Александра Великого.

**Смена веры как фактор повышения / сохранения социального статуса
в позднеантичной Римской империи¹.**

В позднеантичную эпоху религиозная принадлежность превратилась в ключевой ресурс социальной мобильности. Константин I и его ближайшие наследники щедро вознаграждали крещение должностями и почестями, хотя были вынуждены мириться с сохранением некоторого количества язычников среди высшей элиты. При Юлиане Отступнике ситуация зеркально изменилась: открытый переход в язычество открывал доступ к высшим постам, богатству и императорскому благоволению – за восемнадцать месяцев единовластия ему удалось обратить значительную часть придворных, чиновников, военных и даже некоторых клириков. Однако торжество христианства при Феодосии I и его преемниках, закрепленное карательными эдиктами конца IV – V вв., сделало публичное исповедание язычества смертельно опасным. Именно тогда сложился феномен криптоязычества: представители аристократии, высшие сановники и даже отдельные клирики формально принимали крещение – чтобы сохранить должности, имущество и жизнь, – но тайно продолжали совершать жертвоприношения и чтить отеческих богов. При Юстиниане обязательное крещение всех подданных (кроме иудеев) и угроза высшей меры наказания для уличенных «идолопоклонников» сделали фиктивное обращение и внешний конформизм массовыми стратегиями выживания элиты.

¹ Доклад выполнен в рамках гранта РФФ 25-28-01984 «Крипторелигиозные практики и идентичности от Античности до Нового времени».

Династии преторианских префектов в эпоху принципата

Реформы, инициированные Августом и продолженные его преемниками, способствовали усилению социальной интеграции высших слоев римского общества. Это особенно заметно на примере преторианских (и других высших) префектов, многие из которых после завершения службы переходили в сенаторское сословие и становились основателями "династий", удерживавших высшие государственные должности в течение нескольких поколений.

На протяжении второй половины I-II вв. участие всадников в государственном и муниципальном управлении возрастает. Тем не менее подлинного слияния сенаторского и всаднического сословий даже в эпоху позднего принципата не произошло: хотя во второй половине III в. начальники претория и сумели приблизиться к сенаторскому положению, но при этом все еще не сравнялись с ним.

«Дочь Тота»:

о происхождении и значении титула египетских царственных женщин

Доклад посвящен редчайшему титулу египетских царственных женщин: «дочь Тота». В отличие от других титулов божественного родства «дочь Ра», «дочь Геба» или «дочь Амона», особенно широко распространенных с периода Нового царства, апелляция к богу мудрости и письма зафиксирована у немногих цариц. К их числу относится царица VI династии Небет, а также Береника II и Клеопатра I из династии Птолемеев. Анализ деятельности вышеупомянутых цариц позволяет выдвинуть гипотезу о функциональном, а не почетном значении титула. Связь с Тотом, визирем богов и хранителем сакрального знания, возможно, означала вовлеченность правительницы в государственное управление. В ходе доклада предпринимается попытка выяснить, обозначал ли данный титул реальные властные полномочия и в чем заключалась их специфика

**«По самолюбию ближнего готовы бить топором»:
почетные декреты в контексте межполисных отношений**

К. Коккиния в своем исследовании «Ruling, inducing, arguing: how to govern (and survive) a Greek province» (Kokkinia, C. 2004: Ruling, inducing, arguing: how to govern (and survive) a Greek province. In: Roman Rule and Civic Life: Local and Regional Perspectives. Leiden, P. 42) напоминает о той функции общественных надписей, в особенности коммеморативных и почетных, на которую не всегда обращают внимание, а именно не только почтить и восхвалить одних, но и доставить некоторую неприятность другим. Автор доклада предлагает рассмотреть в этом ключе почетный декрет с Самоса, принятый в честь братьев Горга и Минниона, уроженцев Иасоса (Syll.3 312)¹. Этот декрет относится к выделенной К. Халлофом подкатегории почетных декретов, *decreta φυγῆς* (всего 24 надписи). Такие декреты были приняты в честь иностранцев, которые помогли жителям Самоса после изгнания в 365 г. до н.э., также способствовали их возвращению на родину после 322 г. до н.э. Кроме данного декрета, для исследования привлекаются и другие *decreta φυγῆς*, а также еще один декрет в честь Горга и Минниона, принятый уже на их родине (Syll.3 307).

¹ Syll.3 – Dittenberger W. et al. (ed.). Sylloge inscriptionum Graecarum. Ed. 3. Vol. I–IV. Lipsiae, 1915–1924

**Каталог испанских войск в «Пунике» Силия Италика –
источник по истории Второй пунической войны?¹**

«Пуника» Силия Италика – крупнейшая поэма античной эпохи, написанная на латинском языке – посвящена Второй пунической войне. Казалось бы, наличие исторических сочинений (прежде всего Полибия и Тита Ливия), достаточно подробно описывающих войну римлян с Ганнибалом, должно исключать обращение к «Пунике» как к источнику достоверных исторических сведений. Однако многие авторы исторических работ сведения Силия Италика все же привлекают.

В рамках доклада будут рассмотрены случаи, когда современные исследователи обращаются к каталогу испанских войск из третьей книги (строки 325–405) «Пуники» для получения исторических сведений. Во-первых, будет продемонстрировано, что тексты историков и исторический контекст не подтверждают сведения «Пуники» об участии ряда иберийских племен во Второй пунической войне на стороне Ганнибала. Во-вторых, будет показано, что в каталоге испанских войск Ганнибала Силий преследует прежде всего художественные цели, не ставя задачей отразить реальную политическую картину эпохи Второй пунической войны. Следовательно, конечно, каталог испанских войск из «Пуники» является ценным историческим свидетельством. Однако он дает нам информацию не об исторической реальности Второй пунической войны, а об образе Испании и иберийских народов, сформировавшемся в римской традиции во времена Принципата.

¹ Доклад подготовлен при поддержке гранта Российского научного фонда ««Пуника» Силия Италика: перевод, исторические реалии, рецепция» (проект № 24-18-00445), реализуемого в Московском физико-техническом институте (национальный исследовательский университет)

**О должности «начальник портов и пристаней»
в царствование Псамметиха I**

В период правления Псамметиха I Средний Египет являлся важной административной территорией, именуемой «земля южная» (дем. *p3 t3-rsy*). Контроль над Средним Египтом осуществлялся из Гераклеополя чиновником, который был известен как «начальник портов и пристаней» (дем. *p3 ʕ3 n mr*). «Повесть Петеисе III» (pRylands IX) сообщает, что данную должность последовательно занимали два сановника. Сначала «начальником портов и пристаней» был Падиисет, сын Анхшешонка, а после его смерти в Год 18 царствования Псамметиха I должность была передана его сыну Сематауитефнахту. Однако представленная в демотической «Повести» хронология карьеры «начальников портов и пристаней» не соответствует данным памятников на среднеегипетском языке Позднего времени. Сематауитефнахт упоминается в качестве главы Гераклеополя и «начальника портов и пристаней» уже в «Стеле удочерения Нитокрис», датируемой Годом 9 царствования Псамметиха I (656 г. до н.э.). Хотя хронологические данные «Повести Петеисе III» содержат неверные сведения, описание сферы деятельности «начальников портов и пристаней» в демотическом папирусе подтверждается текстами частных памятников Сематауитефнахта. Сановники-«начальники портов и пристаней» руководили территорией Среднего Египта из Гераклеополя. Сематауитефнахт и Падиисет, сын Анхшешонка, были также связаны с саисским царским домом при помощи династического брака или кровных уз. В функции «начальников портов и пристаней» входило управление вверенной им областью «земли южной», а также сбор подати в пользу царского дома, осуществление судебных функций и контроль за речным судоходством, обеспечивавшим экономические связи между Севером и Югом

страны. К к. VII в. до н.э. должность «начальника портов и пристаней» была упразднена вместе с «землей южной».

**Поиски идеального правителя в поздней Римской империи:
образ императора Траяна в произведениях латинских языческих
историков и биографов IV века.**

В докладе будет предпринята попытка рассмотреть образ императора Траяна, сложившийся в латинской языческой историографии IV в. Мы также попытаемся ответить на вопрос о том, какие задачи ставили для себя языческие историки и биографы, всесторонне разрабатывая биографию этого правителя в своих исторических трудах. Для реализации этой цели мы обратимся к анализу текстов произведений Секста Аврелия Виктора, Евтропия, Феста, безымянного автора «Эпитом из Цезарей», Аммиана Марцеллина и сборника биографий «*Scriptores Historiae Augustae*». Для всех проанализированных нами исторических трудов образ Траяна стал во многом структурообразующим. Вся внешняя и внутренняя политика, моральные качества императоров явно или неявно оцениваются и сравниваются с Траяном, поскольку образ Траяна у историков IV в. нес пропагандистскую составляющую. Стремление отомстить за неудачи III века и установить полное господство на Востоке является лейтмотивом, проходящим через всю историю IV века. Именно для этого и привлекался образ Траяна, как наиболее удачливого полководца, который «расширил по всем направлениям» границы Римского государства, показывая тем самым наиболее актуальные задачи для внешней политики того времени. Историки и биографы достоверно воспроизводят главные завоевания императора, хотя жанр, выбираемый каждым из них, диктует им соответствующий набор фактов.

Карпюк С. Г.

(Москва)

Особенное время: три катастрофы полисов Пелопоннеса (373-370 гг. до н.э.)

Историческое время неоднородно: периоды бурного развития сменяются периодами застоя, а эпохи военного противостояния - эпохами мирного существования. Количество и масштаб катастрофических событий разнится тоже может различаться от эпохи к эпохе, от региона к региону. В настоящем докладе будут рассмотрены три катастрофы, которые случились в полисах Пелопоннеса за сравнительно короткий исторический период: природная (землетрясение и цунами в Гедике и Буре в 373 г.), военно-политическая (поражение спартанцев в битве при Левктрах в 371 г.) и социальная (аргосский скитализм 370 г. до н.э.).

Италийские элиты в концепции римской экспансии Н. Терренато

Римский империализм за последние годы неоднократно становился темой для дискуссий в научной среде. Классический подход к этой проблеме акцентирует роль успешной внешней политики Древнего Рима, при этом меньше внимания уделяется роли лояльного римлянам населения. По мере развития археологического изучения древней Италии и римских провинций, у многих исследователей возникла потребность пересмотреть этот подход и придать местному населению, завоеванному римлянами, больше субъектности.

В книге Н. Терренато «The Early Roman Expansion into Italy: Elite Negotiation and Family Agendas» (2019) была предложена попытка изложить историю римского завоевания в контексте истории Средиземноморья I тыс. до н.э. Терренато акцентирует роль центральноиталийских элит, которая, с его точки зрения, была более значимой, чем непосредственно само завоевание и деятельность римских политических институтов. Свойственное его подходу акцентирование личных интересов отдельных семей, которые должны были перевешивать интересы этнических и политических групп, – довольно распространенное явление в англоязычной историографии. В докладе будут разобраны сильные и слабые стороны концепции Терренато.

**Касситский «Хтонический бог»:
от Малоазиатского нагорья к водам Вавилонии**

В докладе будет рассмотрен сюжет «Хтонический бог» в среднеавилонской глиптике. Сложившись под сильным влиянием сиропанатолйского сюжета «Горный бог», он представлен только на печатях, выполненных во втором касситском стиле. Примечательность этого сюжета заключается в его инновационной иконографии и уникальности в рамках месопотамской глиптики. В его рамках переосмыляется традиционный визуальный язык Южной Месопотамии, связанный с культовыми практиками, тогда как его инновационные черты отражают стремление касситской высшей элиты интегрироваться в дипломатический и культурный контекст того времени. Учитывая тенденцию избегать изображения «великих богов», характерную для месопотамской глиптики того времени, «хтонический бог» не может быть с уверенностью отождествлен с каким-либо важным представителем пантеона. Тем не менее, «водная» иконография сюжета помещает центральную фигуру в культовый контекст Энки/Эа.

Североафриканские муниципальные элиты IV в. по данным эпиграфики

IV век принес большие перемены в мир североафриканских городов. В эпиграфических источниках они отразились сменой конфигурации муниципальных магистратур. Кроме того, большую, чем раньше, роль стали играть жреческие должности. Эпиграфика в ряде случаев в силах как показать неодновременность протекания этих процессов в разных городах Северной Африки, так и дать моментальный срез текущего состава муниципальной элиты отдельного города – последнее благодаря прежде всего муниципальному списку из Тамугади (Тимгад). Надписи также дают возможность наблюдать кратковременный взлет могущества отдельных семей муниципальной знати, отношения местной элиты с провинциальной администрацией и римской знатью.

Криволапов Г. Л.

(Москва)

Итурейский фактор в политической истории Иудейского царства

(I в. до н.э.)

Гражданские войны в Иудейском царстве при Хасмонеях и Иродиадах достаточно хорошо изучены, как и участие в этих конфликтах римлян. Однако влияние на эти события представителей итурейской элиты отдельно в историографии не рассматривалось. Дело в том, что итурейские тетрархи постоянно вмешивались во внутривполитическую борьбу в Иудее, поддерживая различные стороны. Участие итурейцев зачастую оказывалось решающим, приводя к смене власти в Иудее и изменению ее внешнеполитического курса. В докладе будет предпринята попытка реконструкции вмешательства итурейской элиты в дела иудеев.

Военная элита Египта I тыс. до н.э. в Элефантинской стеле царя Амасиса

Греческие историки, воспринявшие свидетельства египтян об истории своей страны и наблюдавшие ее в Позднее и в начале эллинистического времени – Геродот (II. 165-168, ср. 109) и Гекатей Абдерский (согласно Диодору Сицилийскому: I. 54.4-6, ср. 53.2-4, 9-10) – придавали большое значение конституированию во времена великого царя-завоевателя (Сесостриса, Сесоосиса) сословия профессиональных воинов-землевладельцев, составлявших важнейшую часть элиты Египта. Геродот (II. 165-166) говорит о разделении этого сословия на две категории – гермотибиев и каласириев, расселенных в разных (соответственно, западной и восточной) частях Дельты Нила: примечательно, что их ареал не выходил за пределы этой территории. Этот ареал совпадает с основной зоной расселения в Египте ливийских племен с конца II тыс. до н.э., а в целом эти сведения должны отражать сложение ливийской военной знати в начале Третьего переходного периода (возможно, с абсорбцией некоторых реминисценций начала Среднего царства). Элефантинская стела Амасиса, отражающая его противостояние с Априем в 570-567 гг. до н.э., содержит следующие примечательные слова первого из них (стлбб. 5-6): «Что до удачливого, /то/ сражающийся за свою область – /это/ сражающийся храбро. Остро сердце его, оживляет он соратников своих. Подумайте о случившемся: не вознаграждается (т.е. не имеет смысла. – Авт.), когда приводят всякого противящегося относительно этого». Далее в тексте применительно к воинам Амасиса повторяется термин *d3mw* («молодые воины»; стлбб. 8, 10), соотносящийся с демотическим *rmt-dm*, что соответствует «гермотибиям» Геродота. Представляется, что эти пассажи показывают опору Амасиса именно на военное сословие Западной Дельты, сидящее на земельных участках в своих областях, готовое, как предполагается, их защищать и противопоставленное в этом смысле наемникам Априя,

которые могут иметься в виду под пресловутым «противящимся». Такая интерпретация соотносится и с оценкой выступления Амасиса против Априя как движения именно египетского профессионального войска (Hdt. II. 161-163; Diod. I.68. 2-3).

Макаров И. А.

(Москва)

Из комментария к Аристофану: «Осы» 1203-1208.

Доклад посвящен интерпретации стихов 1203-1208 в комедии Аристофана «Осы». Основное внимание уделено двум аспектам: 1) характеристике судебного процесса по поводу λοιδορία, в котором истцом выступал главный герой Филоклеон; 2) фигуре бегуна Фаилла, упомянутого Филоклеоном в качестве ответчика по данному делу.

Multi bonique, pauci et validi и Силий Италик¹

Известный советский и российский антиковед Г.С. Кнабе в статье «multi bonique» и «pauci et validi» в римском сенате эпохи Нерона и Флавиев», опубликованной в 1970 г. в «Вестнике древней истории», выдвинул гипотезу, согласно которой римский сенат второй половины I в. н.э. был разделен на две группы, представлявшие разные социо-культурные типы людей. Группу меньшинства составляли сенаторы, чей нравственно-психологический портрет характеризовался понятиями *promptus – callidus – audax*. Они инициативны, энергичны, честолюбивы и не считаются с традициями. Именно к ней отечественный исследователь отнес сенатора Силия Италика – автора самой крупной латинской поэмы, ординарного консула 68 г. н.э. и проконсула Азии 77/78 гг. н.э. Цель работы – определить правомерность отнесения Силия к этой группе сенаторов. Для этого будут проанализированы известные факты биографии консула 68 г. н.э. и его воззрения на курию, содержащиеся, в написанной им поэме. Кроме того, автор выскажет ряд методологических соображений по поводу предложенной Г.С. Кнабе концепции сенатских группировок эпохи Нерона и Флавиев.

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда №24–18-00445 «“Пуника” Силия Италика: перевод, исторические реалии, рецепция», реализуемого в Московском физико-техническом институте (национальный исследовательский университет) в 2024-2027 гг.

**Роль исторической памяти во внутренней и внешнеполитической жизни
Милета в эллинистический и римский периоды**

В докладе будут проанализированы ключевые исторические нарративы, которые встречаются в общественных надписях Милета эллинистического и римского времени. Наша задача – выявить, к каким событиям своего прошлого граждане полиса обращались в публичном дискурсе наиболее часто и с какими целями. Несмотря на небольшую источниковую базу, мы сделали следующие выводы: в эллинистический период вопрос о колониальной активности Милета будет активно использоваться для восстановления и установления дружественных связей с другими полисами, а *συγγένεια* будет использоваться как ключевой аргумент для налаживания этих связей. В римский период архаическое прошлое и, например, та же колонизация будут использоваться как элемент прославления города и укрепления его статуса. Такая разница в подходах отчасти может быть объяснена изменением положения самого полиса: в эллинистическое время город сохранял формальную независимость и в каких-то аспектах даже пытался вести независимую внешнюю политику. В римское же время он стал частью провинции Азия и был вынужден встраиваться в провинциальную административную систему без надежды на какую-либо самостоятельность.

Мордвинцева В. И.

(Москва)

**Варварские элиты Северного Причерноморья в сарматскую эпоху:
маркеры идентичности**

Элиты социумов одного хронологического горизонта, с одной стороны, часто используют сходные знаки и символы, указывающие на сравнительное равенство социальных позиций, но, с другой стороны, генерируют свои собственные, только им присущие маркеры, тем самым демонстрируя свою субъектность и независимость. В докладе будет представлен диахронный анализ маркеров, объединяющих и разделяющих варварские элиты Северного Причерноморья в четырех хронологических группах: III – II вв. до н.э.; I в. до н.э.; I – сер. II вв. н.э.; сер. II – сер. III вв. н.э.

**Древнее мидианитское великодержавие
в исторических традициях I тыс. до н.э. – II тыс. н.э.**

В ряде линий историописания, возникших в ходе взаимодействия разных этнокультурных традиций (активно шедшего начиная с VI–V вв. до н.э.) появляется топоним о древнем великодержавии мидианитов – не особенно значительного племени северо-западной Аравии конца II – начала I тыс. до н.э., известного по Ветхому Завету и надписи первой четв. I тыс. до н.э. из Теймы, упоминающей рейд на Мидиан. К VII в. мидианиты влились в состав арабских племенных союзов и перестали существовать как особое единство. В ветхозаветной Книге Судей (6–8) присутствует эпизод, в котором Мидиан возглавляет коалицию в составе себя, амалекитов (Синай) и «сыновей Востока» (в ВЗ – обозначение территории и племенной группировки северо-восточнее Галаада, в районе южных рубежей Хаурана), располагает огромной армией около 140 тыс. человек и семь лет притесняет Израиль успешными набегами, пока не оказывается разгромлен Гедеоном. В «Иудейских древностях» Иосифа Флавия этот эпизод уже пересказывается с заменой «сыновей Востока» на арабов. Ко времени Иосифа в эллинистической учености распространяется сюжет о трех поколениях мидианского великодержавия, начиная с Эфера или Афера (Быт.25:4), внука легендарного эпонима-основателя Мидиана. Этот Афер будто бы покорил Африку, названную в итоге по его имени, а его внуки еще и заселили ее (Jos. Ant.1.15); у Полигистора (там же) к пересказу этого сюжета добавлен союз Афера с Гераклом и брат этого Афера, Сурим, по которому будто бы названа Ассирия, так что круг владычества мидианитов здесь включает пространство от Африки до Месопотамии (в Ветхом Завете этому Суриму отвечает Ашурим, являющийся куда более дальним потомком не самого Мидиана, а его брата Йокшана, легендарного предка других племен, а эпоним Ассирии – иной

персонаж, Ашшур, сын Сима). В арабской ученой традиции циркулировали сходные версии, несколько из них приводит Макризи (XV в.; 1895: 537–541): по одной их группе некий мидианский царь Абджад и связанные с ним пять других мидианских царей (по одной версии – его сверстники, по другой – его сыновья; иногда один из этих царей, Климан, считается главным над всей мидианитской сферой контроля, иногда Абджад) владели в какой-то момент Египтом, Хиджазом, Йеменом, Сирией-Палестиной, Месопотамией и Ираном до Хорасана включительно, при этом Абджад и эти цари были современниками Моисея, но в момент Исхода еще не правили столь обширной державой, в частности, Египтом. Одна из версий этой группы укладывает мидианское великодержавие в три поколения (Абджад, его сыновья – вышеупомянутые пять царей – и его внуки) и считает кульминацией этого великодержавия семь лет ветхозаветного притеснения Мидианом Израиля; с разгромом Мидиана израильтянами династия Абджада пала вместе с мидианским великодержавием, продолжавшимся триста с небольшим лет. Обратим внимание на три поколения мидианских царей-завоевателей, аналогично отрезку от Афера до его внуков в сюжете, упоминаемом у Иосифа Флавия, и на общий мотив распространения мидианского владычества в Африку (у арабских авторов – на Египет). К этой группе версий примыкает другая, также приведенная Макризи: по ней великодержавие мидианитов простиралось на те же территории, но было низвергнуто не в эпоху Судей, а Соломоном, и продолжалось пятьсот лет от Моисея до Соломона. Датировки, видимо, восходят к ветхозаветной абсолютной хронологии, которая позволяла насчитать около трехсот лет от Моисея до Гедеона и около пятисот от Моисея до Соломона. Добавим, что в арабской ученой традиции мидианиты свободно могли заменять амалекитов (которым отдельно приписывалось владычество в Египте, отвечающее гиксосскому): так, у Табари (3: 560–561) Саулу поручено от Бога истребить поголовно мидианитов, и он выполняет это, но за одним исключением – берет в плен их царя, за что осуждается; в ВЗ фигурантами всего этого сюжета являются амалекиты, а не мидианиты (1 Сам / 1 Цар. 15).

Корнями этого смешения могло быть упоминание амалекитов как действовавших совместно с мидианитами в Книге Судей, так и то, что в Пятикнижии Моисей к востоку от Египта встречает то мидианитов (на дочери одного из которых женится и живет некоторое время при нем в Мидиане), то амалекитов (уже во время Исхода). Распространение у Макриси ареала мидианитов на Синай вплоть до занятой египтянами территории Дельты, отраженное в ряде мест его труда, может восходить и к этому смешению (поскольку амалекиты занимали Синай и это ярко отражено в Ветхом Завете).

Среди корней всего сюжета о мидианском великодержавии (изучение которого только начинается, причем необходима сквозная проверка арабских, сирийских и внебиблейских еврейских текстов на этот счет) очевидны ветхозаветные рассказы о взаимоотношениях Моисея и Израиля эпохи Судей с Мидианом, а также ветхозаветные генеалогии кетуристов, в том числе Мидиана и его потомков, пропущенные через античную привычку связывать страны с героями созвучных имен как их былыми покорителями и эпонимами (Персей и Персия, Эфер/Афер сын Мидиана и Африка и т.д.). Однако эти корни могут быть не единственными; вопрос нуждается в комплексном изучении, начало которому положено в рамках гранта И. А. Ладынина и докладчиком, и, независимо, М.В. Сергеевой.

**Дарообмен с персидским царём:
греческое восприятие и религиозно-идеологические основания
Ахеменидской традиции**

Практика дарообмена при дворе Ахеменидских царей являлась неотъемлемой частью монархического церемониала и одним из ключевых механизмов воспроизводства имперской иерархии. Однако, по мнению ряда исследователей, её восприятие греческими авторами оказалось во многом искажено спецификой собственных представлений о дарообмене. Геродот, Ксенофонт, Плутарх и другие античные авторы интерпретировали отношения с персидским царём через категории *φιλία* и *ξενία*, предполагающие взаимность и относительное равенство участников обмена. Между тем ахеменидская модель строилась на принципиально иной основе.

В настоящей работе предполагается показать, что греческое непонимание асимметричного характера персидского дарообмена порождало устойчивые противоречия в античной традиции. Примеры отношений Алкивиада и Фарнабаза, Анталкида и Артаксеркса II, а также рассказ Геродота о посольстве Камбиза к «долговечным эфиопам» демонстрируют столкновение двух различных моделей обмена: греческой, основанной на взаимных обязательствах, и ахеменидской, где характер связи определялся волей царя и иерархической природой самой системы отношений.

Особое внимание будет уделено древнеперсидскому религиозно-идеологическому обоснованию данной практики. Ахеменидский дарообмен опирался на принцип *arštām* – справедливого воздаяния, противопоставленного лжи (*drauga*). Царь мыслился как гарант правильного распределения почестей и наград, воздающий каждому в соответствии с его

заслугами и верностью царскому дому. В этой системе различие между «данью» и «даром» носило не экономический, а идеологический характер: материальные и нематериальные подношения становилось «даром» постольку, поскольку признавались таковыми самим царём и должны были быть оплачены в соответствии с установленным божественным порядком.

Таким образом, дарообмен в Ахеменидской державе следует рассматривать как важнейший элемент имперского церемониала и политической коммуникации, имеющий религиозный фундамент и обеспечивавший символическое воспроизводство власти Великого царя.

Этос персидской аристократии в Ахеменидской империи

В докладе пойдет речь о возможности применения древнегреческого термина аристократия по отношению к представителям персидских политических элит времен Ахеменидской империи. Под аристократией нами понимается малочисленная прослойка общества, которая занимает в нем высшее политическое и экономическое положение, декларирующая свою божественную или героическую генеалогию и особую связь со сверхъестественными силами, а также самоидентифицирующая себя за счет наличия паттернов поведения, продиктованных особым аристократическим этосом.

Попытка восстановить этос персидской аристократии предпринимается на основе анализа и сопоставления Ахеменидских царских надписей с сочинениями античных авторов. В частности делается акцент на особенностях воспитания знатных персов, которое достаточно детально описано в различных греческих текстах.

Автор приходит к выводу, что знатные персы, сродни греческим аристократам, уделяли большое внимание физическому и интеллектуальному воспитанию. Кроме того, в персидских царских надписях можно найти пассажи, которые, на наш взгляд, свидетельствуют о наличии агонального поведения в рядах высшей персидской военной знати.

О понятии «элита(ы)» и применимости его для древней истории

В докладе рассматриваются идейно-теоретические основы, история и эволюция теории элит, начиная с Платона, происхождение и значения понятия "элита(ы)", а также вопрос обоснованности его использования в изучении истории древнего мира. Сегодня это слово очень широко применяется в разных контекстах как в социальных науках (философия, социология, политология), так и в средствах массовой информации. Однако правомерность его употребления в области древней истории далеко не очевидна. В русский язык оно вошло (в том смысле, который вкладывается в него в наше время) сравнительно недавно, в середине прошлого века, используя до того только как узкоспециальный сельскохозяйственный термин. По мнению докладчицы, его расплывчатость, неточность, малообъективность, многозначность и произвольность толкования не отвечают требованиям научности, оставаясь в области общей лексики. Не случайно вплоть до начала XX в., а в США – до 30-х годов прошлого столетия общественные науки обходили понятие "элиты". Использование его сегодня в науках о древности является, по сути, презентизмом и модернизацией. Проецирование в прошлое современных идей, способов мышления, категориального и понятийного аппарата может привести к субъективности и релятивизму. «Подгонка» под заранее заданную теорию также вызывает вопросы адекватности языка исследователя реконструируемому источнику. Все это сужает исторические горизонты и искажает понимание прошлого.

**Эволюция социального состава афинской политической элиты
в доэллинистическое время**

Для классической эпохи вектор и динамика перемен, происходивших в составе высшей политической элиты афинского полиса прослеживается достаточно детально, поскольку соответствующие данные могут быть почерпнуты из большого числа источников различных категорий. Переломным пунктом, несомненно, стал рубеж между второй и последней третями V в. до н.э., то есть, условно говоря, конец «Периклова века». До этой точки в числе лидеров государства почти невозможно встретить выходцев из простонародья, в то время как после нее они устойчиво преобладают. Причинами изменения стали, с одной стороны, ряд внутривполитических мер самого Перикла (подробно о них будет сказано в самом тексте доклада), уменьшивших значение древней знати, а с другой же стороны – деятельность преемников Перикла, «новых политиков» как их часто называют в историографии последних десятилетий. Нельзя ставить знак между этим понятием и понятием «демагоги», поскольку демагоги представляли собой лишь часть новых политиков, хотя, безусловно, часть наиболее заметную. Демагоги конца V в. до н.э. ассоциировались с миром ремесленного производства; именно на данном поприще, как правило, составились состояния этих незнатных богачей (Клеона, Клеофонта и др), активно обратившихся к общественной жизни. Демагоги же следующего столетия (они существовали, хотя в литературе этого времени сам термин «демагог» стал малоупотребительным, поскольку приобрел отчетливо негативный оттенок) были связаны уже не столько с ремеслом, сколько с крупной морской торговлей и банковским делом.

Несравненно сложнее проследить процессы, шедшие внутри афинской элиты, в предыдущую, архаическую эпоху. Ввиду недостатка информации место фактов нередко занимают историографические мифы. Согласно едва ли

не самому распространенному из них, уже в VI в. до н.э. некие политически активные незнатные богачи будто бы уже существовали в Афинах и даже рвались к власти. Часть доклада будет посвящена критике этого ошибочного представления.

Римский нобилитет и «италийский вопрос» в 125–90 гг. до н.э.

В рамках данного доклада автор намерен рассмотреть отношение римского нобилитета к т.н. «италийскому вопросу» от «восстания» Фрегелл в 125 г. до н.э. и до начала Союзнической войны. Вопрос о предоставлении италийским союзникам Рима (всем или только латинам?) прав римского гражданства, впервые поднятый в 125 г. до н.э. консулом М. Фульвием Флакком, стал одним из катализаторов (наряду с аграрным и судебным вопросами) раскола внутри римской правящей верхушки. Впервые это проявилось в реакции сената на социальный конфликт во Фрегеллах (колонии латинского права) в 125 г. до н.э.: жестокость претора Л. Опимия в отношении фрегелланцев, по всей видимости, не встретила широкого одобрения у представителей римской правящей верхушки. Однако, в 121 г. до н.э. Л. Опимий уже как консул жестоко расправился с гракханской оппозицией, имея полную поддержку сенатского большинства. С этого момента т.н. «италийский вопрос» становится частью внутренней римской политики и своего рода маркером политической ориентации для отдельных представителей римской элиты. Консенсус был достигнут во второй половине 90 г. до н.э. после принятия законов Кальпурния и Юлия. Отношение римского нобилитета к т.н. «италийскому вопросу» в указанный период было также обусловлено особенностями мировоззрения этой узкой прослойки римской республиканской элиты: италийские союзники рассматривались ей как полезный ресурс, а не как равноправные партнеры.

Шелестин В. Ю.

(Москва, Санкт-Петербург)

Стратегии аргументации в переписке хеттских чиновников¹

Переписка хеттских чиновников с царём и между собой, обнаруженная преимущественно в среднехеттских/ранненовохеттских архивах Тапигги (Машат-хёюк) и Сапинувы (Ортакёй), представляет большой интерес с точки зрения изучения практик коммуникации в хеттском обществе. Она обнаруживает мало примеров серийных корреспонденций (таких как между царём и Кассу в Тапигге, царём и Кунувой в Сапинуве), однако значительная часть писем содержит упоминания и цитаты из предшествующих писем корреспондента в качестве отправной точки. В докладе рассмотрена связь между упоминаемыми в письмах письмами-триггерами коммуникации и структурой ответных посланий, а также предложено новое понимание термина *arkuwar* в практике хеттской корреспонденции.

¹ Доклад подготовлен в рамках проекта РНФ 25-18-00531 «Диалогическая речь в текстах Древнего Востока: от инвективы к рассуждению»

Щеглов Д. А.
(Санкт-Петербург)

Восстание Спитамена: народное движение или заговор элиты?

Свидетельства источников о начале восстания Спитамена в Согдиане (329 г. до н.э.) довольно скудны, но достаточно конкретны. Несмотря на это, предлагаемые исследователями интерпретации этого события варьируются в широком диапазоне, дополняя скудные свидетельства источников такими деталями и смыслами, которые из них напрямую не выводятся, а скорее привносятся в них из более общих представлений самих исследователей. В докладе предполагается дать обзор спектра различных мнений современных историков о природе восстания Спитамена, снять наслоения вчитываемых в это событие разнообразных интерпретаций и обнажить лежащие в самой их основе факты, сообщаемые источниками. В фокусе рассмотрения находится вопрос о социальной природе восстания: насколько оправдана может быть попытка видеть в «бактрийских всадниках» (*equites Bactriani*), которые составляли, по версии Курция Руфа, основную опору Спитамена, представителей местной военной аристократии? В какой мере, в таком случае, допустимо говорить о восстании Спитамена как о народном движении?